

Ли Чэнъе в последнее время преследовали неудачи. Сначала ван Цзинь, за которого он с таким трудом уцепился, вознамерился бросить его ради новой любви, а затем и тщательно выстраиваемый образ добропорядочного человека рухнул, из-за чего все вокруг стали шарахаться от него, как от ядовитой змеи.

Всему виной был один человек — Ли Цинь.

Именно из-за этого мерзавца, стоило тому появиться, ван Цзинь неизменно требовал, чтобы Ли Чэнъе поскорее убирался из резиденции. Да и свою звериную ярость при слугах он проявил лишь потому, что Ли Цинь вывел его из себя.

Мерзавец! Подлец! — мысленно изрыгал проклятия Ли Чэнъе.

Лишь из-за Ли Цинь всё, что еще удавалось удерживать под контролем, окончательно пошло прахом.

Раньше слуги жалели его, видя, как ван Цзинь охладил к нему, и всегда старались подавать к столу самое лучшее. Поэтому, несмотря на опалу, образ жизни Ли Чэнъе почти не менялся. Но с того самого дня, когда в припадке бешенства он отчитал своего личного слугу Мо Чжу, всё изменилось.

Мо Чжу был человеком, которого Ли Чэнъе привез из резиденции канцлера, и, разумеется, предать его не мог. Но по несчастливой случайности другие видели, как он распускал руки.

Оказалось, что их милый и добрый наложник на деле такой злобный и жестокий человек, способный истязать даже собственного слугу. Слуги почувствовали себя обманутыми и возненавидели Ли Чэнъе еще сильнее.

С того момента уровень жизни Ли Чэнъе падал всё ниже, и от былого блеска не осталось и следа.

Теперь Ли Чэнъе напоминал канарейку, запертую в золотой клетке, которую сама обстановка постепенно сводила с ума.

Ли Чэнъе не желал признавать поражение. Даже живя в нищете, он не хотел возвращаться в резиденцию канцлера. Он должен заставить тех, кто смотрел на него свысока, пожалеть о содеянном! Это было его упорство и единственная вера, позволявшая ему продолжать влачить свое существование.

Однако недавнее событие заставило Ли Чэнъе усомниться даже в этой последней опоре.

Вскоре после того, как император отчитал вана Цзиня, Канцлер Ли, не питая более теплых чувств, громогласно объявил о разрыве отношений с сыном!

Эта весть, дошедшая до ушей Ли Чэнъе, прозвучала как гром среди ясного неба, окончательно разбив остатки его иллюзий. Никому в резиденции канцлера не было дела до того, хорошо он живет или плохо. Так ради чего ему теперь стараться? Даже если он поднимется с колен, Ли Чэнъе не был настолько наивен, чтобы верить, будто Канцлер Ли прибежит к нему просить прощения.

Жестокая реальность окончательно отрезвила его.

Ли Чэнъе горько усмехнулся, но в его глазах больше не было прежнего задора.

Как только Ли Циньи переступил порог резиденции вана Цзиня и увидел такого Ли Чэнъе, он замер, на мгновение погрузившись в оцепенение.

Перед ним стоял человек, утративший всякую жизненную силу, похожий на глубокого старика, доживающего свои дни. Его глаза, словно стоячая вода, не выражали ровным счетом ничего.

Ли Циньи не знал, радоваться ли тому, что Ли Чэнъе наконец уgomонился, или скорбеть о его искалеченной судьбе.

Впрочем, как бы то ни было, Ли Циньи не собирался проявлять мягкосердечие к этой парочке негодяев. И дело было не только в задании системы, но и в несправедливости, выпавшей на долю оригинального владельца этого тела.

То, что Ли Чэнъе оказался в таком положении — лишь результат его собственных деяний, а ведь настоящий Ли Циньи был совершенно невиновен. Он лишь по доброте душевной спас жизнь вану Цзиню, не подозревая, что это приведет к гибели всего его дома, и до самого конца так и не понял, в чем же ошибся.

В глазах Ли Циньи вспыхнул острый холод, и его сердце вновь окаменело.

Быть милосердным к другим — значит быть жестоким к себе. Ли Циньи, уже однажды обжегшись, больше не даст никому шанса причинить себе вред.

Сегодня он пришел к вану Цзиню, чтобы окончательно провести черту между собой, Ли Чэнъе и этим ваном. Когда задание будет выполнено, судьба этих двоих идиотов его больше не интересовала.

Окинув Ли Чэнъе взглядом, Ли Циньи слегка нахмурился.

Состояние Ли Чэнъе было ненормальным.

Ли Цинь не хотел, чтобы тот погубил себя раньше, чем он передаст его Канцлеру Ли. Подумав, он произвел вслух:

— Посмотри на себя, на тебя жалко смотреть. Ли Чэнъе, где же твой прежний запал?!

Ли Цинь отлично знал Ли Чэнъе: только такое презрение могло разжечь в нем еще не угасшие амбиции.

И точно, услышав это, в глазах Ли Чэнъе блеснул огонек, и он словно ожил:

— Торжествуешь? Ли Цинь, не думай, что супруг будет вечно так к тебе относиться. Я проклиная тебя: то, что я имею сегодня, завтра станет твоим!

Раз уж маски были сброшены, Ли Чэнъе больше не собирался притворяться.

Глядя на искаженное лицо Ли Чэнъе, Ли Цинь презрительно усмехнулся:

— Ли Чэнъе, ты всё такой же наивный. Кто тебе сказал, что я собираюсь оставаться с ваном Цзинем? — он бросил на него жалостливый взгляд и медленно добавил: — Я пришел сегодня, чтобы ты своими глазами увидел конец этой резиденции.

Сказав это, Ли Цинь развернулся и ушел.

Финал был предreshен, и никто не мог его изменить. Он пришел лишь для того, чтобы разыграть этот спектакль ярче, чтобы тот, кто наблюдал за происходящим издали, получил больше удовольствия.

Оставшийся позади Ли Чэнъе смотрел в спину уходящему Ли Цинь, до крови закусив губу, а в его глазах застыла ядовитая ненависть.

Ли Цинь не знал, о чем думает Ли Чэнъе. Сейчас он сидел напротив вана Цзиня, ведя переговоры, от которых зависело выполнение задания.

— Я пришел, чтобы заключить сделку, Ваше Высочество. Вы отпускаете моего непутевого брата, а мой род Ли гарантирует вам снятие запрета, — после недолгого молчания Ли Цинь первым нарушил тишину.

Ван Цзинь с иронией посмотрел на решительного Ли Цинь, не зная, к кому она относится больше — к нему самому или к собеседнику:

— Старший мастер Ли, оказывается, ты так глубоко прятал свои когти, водил меня за нос. Что же, теперь решил не притворяться?

Просидев под домашним арестом так долго, ван Цзинь, при всей своей недалёковидности, успел обо всем догадаться. Не говоря уже о том, что как главный герой романа он обладал острым умом — если бы не его собственное высокомерие, Ли Цинь не удалось бы так легко одержать верх.

Увидев прозревшего вана Цзиня, Ли Цинь слегка приподнял бровь.

Выпрямившись, он наконец проявил интерес:

— Почему Ваше Высочество так считает? С древних времен победитель получает всё, а проигравший — ничего. Если вы не рассчитали ход, кого винить? — Ли Цинь решил добавить масла в огонь: — Если бы вы вели себя спокойно и не зарились на то, что вам не принадлежит, то не накликали бы на себя нынешнюю беду.

Наблюдая, как лицо вана Цзиня меняется от замешательства к шоку, а затем к осознанию, Ли Цинь слегка кивнул, подтверждая догадки собеседника.

— Ха-ха-ха... Я, Цзюнь Е, мнил себя умником, но всё же не избежал его расчетов, — смех вана Цзиня звучал пусто и холодно, он словно постарел на десять лет за одно мгновение. — Теперь, когда всё зашло так далеко, у меня лишь один вопрос: когда ты приближался ко мне, у тебя уже был умысел?

Встретившись с жгучим взглядом вана Цзиня, Ли Цинь опустил глаза, его ресницы слегка дрогнули.

Затем он поднял голову, прямо посмотрел вану Цзиню в глаза и твердо ответил:

— Нет. Ли Цинь никогда не желал иметь с Вашим Высочеством ничего общего. У меня была лишь одна мечта — объехать весь мир и увидеть его красоты.

Да, желание оригинального владельца было простым: повидать мир, а затем вернуться в столицу, чтобы служить родителям. Но из-за Ли Чэнъе и вана Цзиня даже эта простая мечта не осуществилась.

Сказав это сейчас, Ли Цинь хотел восстановить доброе имя того бедняги.

Это было единственное, что он мог сделать для того несчастного ребенка, который так и не осознал, что его любовь была безответной.

Выслушав ответ, ван Цзинь окончательно поник. Он махнул рукой в сторону Ли Цинь и безжизненно произнес:

— Уходи. Забирай того, кого хочешь, и больше не приходи. Это последнее, что я могу для тебя сделать.

Глядя на такого вана Цзиня, Ли Цинь почувствовал, как с души упал тяжкий груз. Он знал: душа оригинального владельца окончательно растворилась, а значит, его задание выполнено в полном объеме.

[Поздравляем пользователя с успешным завершением пробного задания. Вы можете выбрать время для возвращения.]

Услышав уведомление системы, Ли Цинь слегка улыбнулся, легко попрощался с ваном Цзинем и, выходя, бережно прикрыл за собой дверь.

Несколько лет спустя, в одном из чайных домов.

— Почтенные гости, сегодня я расскажу вам историю любви нынешнего императора Хуажэня и канцлера Ли Цинь. История их чувств достойна песен и слез. Первым указом после восшествия на престол император провозгласил канцлера императрицей и поклялся, что в его гареме не будет никого, кроме него...

Слушая рассказчика, двое мужчин, сидевших внизу, обменялись улыбками.

Цзюнь И взял Ли Цинь за руку и с усмешкой произнес:

— Моя императрица, пойдемте.

— Хорошо, мой государь, — ответил Ли Цинь, одарив Цзюнь И многозначительной улыбкой. Сегодня вечером он даст этому человеку понять, кто на самом деле является супругом!

В отдалении нищий смотрел на сладкую парочку, и по его щекам текли слезы раскаяния.

А в темном, лишенном света подвале Ли Чэнъе, уже давно потерявший человеческий облик, всё продолжал втайне лелеять проклятие, которое никогда не сбудется.

<http://bllate.org/book/22152/2307612>